

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПИЩЕВОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ¹**

*Елена Юрина, Анастасия Балдова
Томский государственный университет*

**LANGUAGE MEANS OF REPRESENTATION
OF GASTRONOMIC METAPHOR
IN RUSSIAN LINGUOCULTURAL DISCOURSE**

*Elena Yurina, Anastasiya Baldova
Tomsk State University*

The scientific framework is considered and the definition of „linguacultural discourse“ is proposed which is understood as speech activity and carried out by communicants in the process of mastering and comprehension of phenomena of either their own culture or any other one. The ways of linguistic representation of the Russian food metaphor in such genre forms of linguacultural discourse like linguacultural dictionary and television travelog are characterized. The empirical material is composed of „Dictionary of Russian Food Metaphor“ (2015, 2017) and three television series from the author’s cycle of travel programs by V. Pozner and I. Urgant (2008, 2010, 2016).

Key words: gastronomic/food metaphor, figurative vocabulary, phraseology, linguocultural discourse, dictionary

1. **Пищевая метафора** в нашем исследовании понимается широко, в духе когнитивной теории метафоры (Лакофф, Джонсон 1990, Баранов 1991, Чудинов 2001 и др.), как концептуальная модель осмысления различных явлений окружающего мира и внутреннего мира человека в терминах еды и гастрономии. Исходная сфера метафорических проекций (*source domain*) охватывает блюда и продукты

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Грант № 18-18-00194 – «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций», 2018 – 2020 гг.

питания, их свойства, способы приготовления и поглощения, состояния и действия субъектов гастрономической деятельности, кухонный инвентарь, регламент и прочие обстоятельства питания. Языковыми репрезентантами пищевой/гастрономической метафоры являются слова в переносно-образных значениях (*винегрет* – ‘путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений’), слова с метафорической внутренней формой (*заваруха* – ‘внезапно возникшая сложная ситуация, нарушающая привычный порядок событий и чаще всего имеющая негативные последствия’), устойчивые сравнения (*как лёншка* – ‘о плоских и круглых предметах’), идиомы (*остаться на бобах* – ‘остаться ни с чем, лишиться того, чем обладал’), пословицы и поговорки (*за семь вёрст киселя хлебать* – ‘напрасно и необдуманно стремиться куда-л., имея возможность достичь желаемого на месте’), авторские контекстуальные метафоры и сравнения (*Небо сегодня распирало от взбитых сливок, будто там, наверху сумасшедший кондитер в белом колпаке все наслаивал и наслаивал крем поверх глазури*. Д. Рубина) и прочие иносказательные употребления образов еды и пищи в речи. Результаты исследования русской пищевой метафоры авторами статьи освещаются в серии научных работ (Юрина 2013, Юрина, Балдова, 2017), а также в двух опубликованных томах «Словаря русской пищевой метафоры» (Юрина, ред. 2015, 2017).

Цель данной статьи – представить лингвистические способы экспликации пищевой метафоры в разных жанрах русского лингвокультурного дискурса. Для её достижения необходимо предварительно осмыслить само понятие «лингвокультурный дискурс», которое представляется достаточно ёмким, имеющим ценный эвристический потенциал, однако на данном этапе недостаточно отрефлексированным лингвистическим сообществом и не вошедшим в ядро лингвокультурологической терминологии.

2. **Научные рамки понятия лингвокультурный дискурс** лежат в области терминологической системы лингвокультурологии (Телия 1996, Воробьев 1997, Маслова 1997 и др.), где получил определение и широко используется термин *лингвокультура*, который обозначает культуру определенного сообщества (этноса, нации, социальной группы), воплощенную в единицах языка и речи. В. В. Красных предлагает следующее определение *лингвокультуры*: это «культура оязыковлённая, т.е. воплощённая и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых/речевых процессах, это культура, явленная нам в языке и через язык; феномен лингвокогнитивный, формиру-

емый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и находящимися с ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах» (Красных 2016: 133). При этом язык отражает факты как материальной, так и духовной культуры, где под материальной культурой можно понимать объекты физической среды существования человека и способы их производства, сформированные сообществом в процессе освоения природы; а под духовной культурой – представления о мире (научные, мифологические, обиходно-практические или наивные и т.п.), идеалы, ценности, стереотипы, нормы поведения, закрепленные в результатах познавательной и творческой деятельности сообщества.

Социокультурный аспект взаимодействия языка и культуры в сфере речевой коммуникации описывается посредством термина *дискурс*, понимаемого в рамках лингвокультурологии как «речь, погруженная в жизнь» (Арутюнова 1990: 136 – 137), «текст в ситуации реального общения» (Карасик 2002: 198), а также как «типичная форма языковой деятельности, тесно сплетенная с другими видами социальной деятельности, находящая воплощение в определенных текстах, которые имеют внутреннюю формально-смысловую завершенность» (Резанова 2011: 37 – 38). Для определения термина *лингвокультурный дискурс* значимыми представляются два ракурса рассмотрения данного феномена: 1) дискурс являет собой речевую деятельность, параметры которой обусловлены определенным набором социально-культурных факторов; 2) дискурс воплощается в обширных текстовых формациях, объединенных общими экстралингвистическими и собственно лингвистическими факторами их порождения и функционирования.

Лингвокультурный дискурс как феномен речевой коммуникации интегрируется, на наш взгляд, особым типом информации, рефлексия по поводу которой служит мотивом, побуждающим к текстопорождению. В его основе лежит стремление говорящего осмыслить, интерпретировать или запросить информацию относительно фактов материальной и духовной культуры того или иного народа, выразив в тексте свои мнения, наблюдения, оценки, характеристики этих фактов. Следовательно, *лингвокультурный дискурс* может пониматься как речевая деятельность, осуществляемая коммуникантами в процессе освоения и осмысления феноменов своей или чужой культуры, которая воплощается в совокупности текстов, порожденных в результате рефлексии авторов по поводу феноменов культуры и содержащих

описание природы данных феноменов, их критический анализ, ценностное отношение к ним.

Сферы бытования лингвокультурного дискурса различны, и каждой из них соответствуют определенные жанры и прагматические регистры общения. В научной сфере он может быть реализован в статьях, монографиях, диссертациях, рецензиях по лингвистике, литературоведению, культурологии, истории, философии, социологии, психологии. Он может быть представлен в сфере массовой коммуникации: в газетных, журнальных статьях, текстах и блогах в интернете, в телевизионных и радиопрограммах. Эстетическая сфера бытования лингвокультурного дискурса связана с различными жанрами художественной литературы, кино и театрального искусства. Разговоры и письменные обсуждения тем еды, путешествий, моды, спорта, развлечений, истории, политики и т. п. в бытовой и массовой социокультурной сферах также могут воплощаться в коммуникативные формы лингвокультурного дискурса.

3. Словарь лингвокультурологического типа, описывающий культурно окрашенные единицы языка и их речевое функционирование, включающий сведения прагматического и культурологического характера для расширения лингвистической семантизации, можно рассматривать как определенный жанровый формат лингвокультурного дискурса. «Словарь русской пищевой метафоры» (далее – СРПМ) соответствует этим требованиям по критериям отбора толкуемых единиц и составу словника, способам подачи материала, принципам толкования, построению макроструктуры. Рассмотрим подробнее каждый из этих параметров.

Для включения языковой единицы в СРПМ необходимы следующие условия: 1) метафорический характер значения, который обнаруживается в семантической двуплановости – способности обозначить называемый объект в иносказательной форме по аналогии с явлениями гастрономической сферы; 2) отнесенность мотивирующего образа, закрепленного в формально-семантической структуре языковой единицы, к гастрономической сфере; 3) использование единицы в речи в период с 1950 г. по настоящее время.

На основании первых двух критериев формируется словник с опорой на существующие толковые и фразеологические словари русского языка. На основании третьего критерия формируется контекстная база и корректируется словник: существенно пополняется за счет ранее не зафиксированных в словарях метафорических значений у

слов с исходной гастрономической семантикой, речевых вариаций фразеологизмов, авторских метафорических контекстов; а также незначительно сокращается за счет исключения единиц, не зафиксированных в современных текстах. Основным источником текстового материала выступает Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru). Таким образом, в словарь попадают однословные и сверхсловные (словосочетания, фразы, фрагменты текста) образные единицы языка с мотивирующей гастрономической семантикой, функционирующие в современных дискурсивных практиках. Например:

БУЛКА ЯМ. Полный человек (преимущественно женщина) с пышными округлыми формами. *Одобр.* – *Здесь его разглядела здоровая, белозубая официантка, просто сдобная булка – вот такой в девках была Ева* (В. Сеницына. *Муза и генерал*).

ЗАРАБАТЫВАТЬ НА БУЛКИ С ГУСТЫМ СЛОЕМ МАСЛА. **Авт. ФЕ.** Хорошо зарабатывать, обеспечивая высокий уровень жизни. *Экспр.* – *На булки с густым слоем масла я зарабатывал тогда ремеслом «практикующего юриста», то есть частного детектива* (В. Скворцов. *Каникулы вне закона*).

ПОКА ЖАРЕНЬИ ПЕТУХ НЕ КЛЮНЕТ. **Погов.** *Разг./Прост.* Пока не случится неприятность. Говорится в ситуации, когда какие-л. действия или решения откладываются на неопределенный срок. *Экспр. Неодобр.* – *Грубо говоря, пока жареный петух не клюнет, можно нести разную пургу, пользуясь всеми преимуществами своего положения, а реальность всплывает всегда неожиданно* («Военное обозрение»).

ПИРОГИ ПЕЧЁТ САПОЖНИК. **Прец.** За ответственную работу берется непрофессионал. *Экспр. Неодобр.* – *В Рыбинске в полном соответствии с вечно загадочной российской кадровой политикой в кресле директора музея почему-то оказался человек со стороны, чистый технократ, фанат компьютерного дела. Казалось бы, при таком кадровом раскладе, когда «пирог печёт сапожник», музею – кранты. Ан нет – вышло, как в лучезарной сказочке («Культура»).*

Выражение восходит к басне И. А. Крылова «Щука и кот» (1812 г.): «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник».

Состав словника и система помет подробно охарактеризованы в вводных разделах СРПМ (Юрина 2015: 8 – 20). Определенный структурный тип образной единицы маркируется посредством пометы после заглавного слова (**ЯМ** – языковая метафора, **ФЕ** – фразеологическая единица, **Прец.** – прецедентное выражение, **Погов.** – поговорка и

др.). Случаи единичных и новаторских употреблений помечаются как авторские (**Авт.**). Во всей совокупности толкуемых единиц, включая материалы готовящегося к печати 3-го тома, на текущий момент словник насчитывает более 3000 образных слов и выражений. Карто-тека контекстов составляет около 20 000 фрагментов из художественной литературы, публицистики, интернет-коммуникации.

Образные слова и выражения, репрезентирующие пищевую метафору, обладают значительным прагматическим потенциалом: характеризуются стилистической экспрессивностью, выражают эмоциональную оценку обозначаемых явлений и/или высокую интенсивность проявления качеств и процессов. Прагматический аспект семантики отражается в словаре посредством системы стилистических (**Разг.** – разговорное, **Прост.** – просторечное и др.) и эмоционально-оценочных помет (**Экспр.** – экспрессивное, **Одобр.** – одобрительно, **Неодобр.** – неодобрительно, **Ирон.** – иронически и др.).

В СРПМ даются развернутые описательные толкования лексических и фразеологических значений всех образных слов и выражений, а также мотивирующих лексем в их первичных значениях. Мотивирующие лексем располагаются перед образно мотивированными единицами и открывают лексикографическую презентацию образного лексико-фразеологического гнезда. Гнездовой принцип расположения словарного материала выполняет в словаре 2 задачи: 1) демонстрирует всевозможные способы языкового выражения метафорической интерпретации одного гастрономического образа; 2) отражает семантическую двуплановость значения образных единиц, поскольку мотивирующее значение составляет их метафорическую внутреннюю форму, ассоциативно-образный фон. Например, в гнездо с вершиной *жарить* – ‘готовить пищу под действием сильного жара, обычно в жире или масле без добавления воды’, входят образные единицы *жарить* – ‘играть на музыкальных инструментах интенсивно, азартно’, *запахло жареным* – ‘о крайне напряженной, неблагоприятной для кого-л. ситуации’, *как жареные пирожки (пойти/разобрать)* – ‘о товарах, которые пользуются большим покупательским спросом, быстро распродаются’ и др. Для того, чтобы продемонстрировать культурный фон, стоящий за языковой семантикой исходной мотивирующей лексем, словарная статья гнезда сопровождается лингвокультурологическим комментарием – небольшим по объему текстом справочно-энциклопедического характера, например, «До середины XVI – начала XVII в. в русской национальной кухне от-

существовал такой процесс, как жарение в масле. Этот способ приготовления был заимствован у татар. И т.д.)».

Макроструктура словаря строится по концептному, идеографическому и гнездовому принципам. Концептный принцип предполагает группировку образных средств в соответствии с реализацией гастрономического культурного кода, в основе которого лежит метафорическое и символическое переосмысление концептуальной сферы-источника «Еда». Идеографический принцип предполагает дальнейшую группировку по тематическим областям, представленным в разделах и подразделах СРПМ: блюда и продукты питания (зерновые и мучные продукты и блюда, мясные продукты и блюда, супы, напитки и др.), процессы приготовления (механическая обработка, термическая обработка, приготовление составов и др.), процессы поглощения (поглощение твердой пищи, поглощение жидкости, этапы и способы поглощения и др.) и т. д. Для удобства пользователя словарь сопровождается информационно-справочными разделами: алфавитным указателем толкуемых единиц с данными о страницах их размещения; а также списком авторов художественных произведений и названий газет, журналов, сайтов, из которых были извлечены контексты, иллюстрирующие дискурсивное функционирование пищевой метафоры.

Таким образом, СРПМ – это полидискурсивный и комплексный по своей природе жанр научного текста, который представляет русский лингвокультурный дискурс на уровне фрагмента концептосферы (система гастрономических образов, обладающих метафоропорождающим потенциалом), на языковом уровне (лексическая и фразеологическая семантика), на уровне пищевого кода культуры (образная интерпретация традиционной этнической и современной интернациональной пищевой традиции), на уровне коммуникации (устойчивое общеязыковое и авторское употребление пищевой метафоры в текстах различных функциональных стилей).

4. Речевое сопровождение телевизионных передач в жанре «заметок путешественника» (травелога) также можно отнести к лингвокультурному дискурсу, поскольку целью авторов данных программ является описание культурных явлений, традиций и обычаев разных стран через призму собственного инокультурного восприятия, а также выражение оценочного отношения к ним. В качестве материала для изучения функционирования пищевой метафоры в русском лингвокультурном дискурсе были использованы фрагменты текстов из цикла телепередач о путешествиях (автор В. Познер, ведущие И. Ур-

гант и В. Познер). Цикл состоит из 8 многосерийных фильмов о бытовом и культурном укладе Америки, Франции, Италии, Германии, Англии, Израиля, Испании и стран Скандинавии. Полная выборка языкового материала была осуществлена из фильмов: «Одноэтажная Америка» – 2008 г., «Тур де Франс» – 2010 г., «Еврейское счастье» – 2016 г.

Пищевая метафора встретилась в 34 текстовых фрагментах, где использовалась для описания различных феноменов культуры, религии, политического устройства стран, национального характера, исторических событий. Образная лексика и фразеология с исходной гастрономической семантикой встречается в авторском закадровом тексте, в спонтанных комментариях ведущих к увиденному или услышанному, в диалогах с героями передач или между ведущими. Можно выделить две основные функции употребления пищевой метафоры: 1) экспрессивно-изобразительную, которая заключается в наглядном, конкретно-чувственном способе характеристики явлений по аналогии со зримыми, осязаемыми объектами кулинарной сферы; 2) эмоционально-оценочную функцию, связанную с воздействием на адресата речи, выражением ценностного отношения автора к какому-л. феномену или процессу.

Примером экспрессивно-изобразительной функции может служить метафора **коктейль** – ‘смесь запахов’, использованная ведущим для передачи неповторимого аромата утреннего Нью-Йорка: *Утро Нью-Йорка начинается очень рано и с низкого старта. Кажется, весь город бежит, вдыхая божественный коктейль из утренней свежести, аромата кофе и свежей выпечки* («Одноэтажная Америка», 1 серия. Нью-Йорк). Эмоционально-оценочная функция реализуется в контексте, представляющем отрицательное отношение автора к ситуации получения сверхприбылей автомобильной отраслью Америки, которое выражено посредством негативно-оценочной метафоры **жиреть** – ‘богатеть, наживаться’: *Пока автомобильная Америка жирела, считая себя недосыгаемой, японцы, немцы, да и многие другие обогнали ее. Генри Форд был бы вне себя от гнева* (3 серия. Детройт). Неодобрительная оценка описываемой ситуации вызвана её негативными последствиями – задержкой развития машиностроения в результате получения большой выгоды от предыдущих успехов.

Путешествуя по Америке, Франции и Израилю, В. Познер стремился разобраться в том, что для жителей этих стран значит быть американцем, французом, израильтянином; можно ли говорить об единстве социально-культурного, бытового, идеологического укладов, объединяющих всех представителей этих государств; существует

ли некий общий «национальный менталитет». Для описания социальных процессов интеграции/дезинтеграции в полиэтническом многонациональном государстве авторы и гости передач использовали языковые метафоры *плавильный котел*, *салатница* – о полиэтническом государстве, *салат*, *фондю* – о многонациональном населении государства, *пирог*, *соус* – о структуре и социальных стратах сообщества. Устойчивые и новаторские (*фондю*) метафоры неоднократно повторялись в разных сериях циклов, обыгрывались в развернутых текстовых фрагментах, выполняя роль своеобразных тематических скреп отдельных сюжетов. В некоторых сериях метафоры еды сопровождались видеорядом, демонстрирующим процесс приготовления блюд национальной кухни. Видеоряд, аудиофон и речевое сопровождение (собственно метафорический текст) в своей целостности создавали полифонический, синергетический эффект эмоционального воздействия на телезрителя, переводя серьезные рассуждения о культуре и политике разных стран в увлекательный формат получения удовольствия от путешествия.

Образ котла, в котором все ингредиенты готовящегося блюда перемешиваются, теряют первоначальную структуру и передают друг другу свои вкусовые качества, проецируется в социально-политическую сферу, характеризуя государства, в которых представители разных культур и религий приобретают общие черты в результате социального взаимодействия. Метафорически обыгрывая образ котла, В. Познер формирует у собеседников и зрителей образ страны, в которой бывшие иммигранты образовали новую единую нацию: *«Характеры есть разные: у немцев свой, у французов свой, у ирландцев, у англичан, у евреев, русских и т. д. И вот, представьте, что все эти характеры как бы нырнули в один котел, и оттуда вышел какой-то новый. Это называется американский характер. Что это? Ну, это смесь»* («Одноэтажная Америка», 1 серия. Нью-Йорк). Метафору *плавильный котел* также использует гость передачи, израильский драматург Рои Хен. Развивая идею о цельности израильской нации, он сравнивает ее с фондю, горячим блюдом однородной консистенции, состоящим из расплавленных кусочков нескольких сортов сыра: *«Рои Хен: – Все это появилось. Израиль, это, что называется, плавильный котел. Люди приехали отовсюду. – И. Ургант: И как, варятся они здесь? – Рои Хен: Да, они даже оплавилась здесь. Совсем уж как фондю»* («Еврейское счастье», 2 серия. Тель-Авив, или с чем это едят). Продолжая размышлять на тему национального характера, В. Познер использует для характеристики израильского общества

развернутую речевую метафору пирога, в которой его многослойная структура, состоящая из теста и начинки, образно уподобляется обществу, в котором существуют разные социальные страты: *«Никакого израильского **фондю** нет, так мне кажется, а есть, если продолжить **кулинарную** тему, некий **пирог**, состоящий из **теста** и весьма сложной **начинки**, **вкус** которой в значительной степени определил приезд русских евреев, людей ярких и талантливых»* («Еврейское счастье», 2 серия. Тель-Авив, или с чем это едят).

Для характеристики национальной разобщенности, наличия в стране разрозненных этнических субкультур В. Познер использовал образ салата, в котором все кусочки, хоть и перемешаны между собой, но существуют отдельно друг от друга, не соединяются: *«Некоторые говорят, что Америка уже не **плавильный котел**, а **салат**. Все **кусочки** находятся в одной емкости, но не соединяются. Это большой **салат**»* («Одноэтажная Америка», 3 серия. Детройт); *«Но, рассказав об арабах, китайцах, мексиканцах, которые составляют часть этого **плавильного котла** или **салата**, было бы странно не сказать об еще одной **специи** этого **соуса**. Об иммиграции из бывшего СССР и нынешней России»* («Одноэтажная Америка», 16 серия. Нью-Йорк). В последнем контексте автор метафорически уподобляет нации соусу и специям, которые привносят свой вкус в готовое блюдо. Метафоры *салат* и *салатница* являются сквозными в речи ведущего: в разных сериях фильма об Америке они используются в эмоционально-оценочной функции, демонстрируя мнение автора о расхождении общества, что даже вызывает раздражение американского героя передачи: *«Брайан Кан: – Знаете, все эти термины меня не особо волнуют. Меня больше интересует будущее страны, в которой я живу. **Плавильный котел** или **салатница**, какое это имеет значение, если люди в ней могут жить вместе?»* («Одноэтажная Америка», 3 серия. Детройт).

В фильме «Одноэтажная Америка» В. Познер использует образ салата и для характеристики культурных явлений. Жанр мюзикла, в котором есть и диалоги, и песни, и танцы, он сравнил с салатом, состоящим из множества ингредиентов: *«Мюзикл – жанр сугубо американский. В нем есть все: и пение, и танцы, и актерская игра. В нем есть что-то от оперетты и что-то от балета. Это такой американский **салат**, который, как и многое другое, рожденное в Америке, стало популярным далеко за ее пределами»* («Одноэтажная Америка», 1 серия. Нью-Йорк).

Тема еды регулярно сопровождает описание Франции, ее жизни, культуры, традиций. Ведущий подчеркивает, что еда для французов не просто жизненная потребность, это целое искусство: *«Как долго можно говорить о сыре? Русскому человеку хватит 5-и минут, чтобы исчерпать тему, француз может говорить о сыре бесконечно. Сыр делают повсюду, но только французы догадались выдерживать его годами и распробовали сырную плесень. О вкусе французского сыра ходят легенды, а о его запахе анекдоты»* («Тур де Франс», 1 серия. В чем загадка Франции для россиян?). Поэтому, выбирая языковые средства для описания интереса граждан к событиям, происходящим в области, стране, ведущие выбирают метафору **политической кухни**, основанной на аналогии между помещением для приготовления пищи и сферой политических процессов: *«Французы – самые свободлюбивые люди на свете. Что, как мне кажется, имеет прямое отношение как к кулинарной кухне, так и к политической»* («Тур де Франс», 1 серия. В чем загадка Франции для россиян?).

Увлечение политикой также характерно для американской нации. Используя метафору **дрожжи** по отношению к районным собраниям американских граждан, В. Познер подчеркивает интерес американцев к местной политике и проводит аналогию между собраниями общественности, способствующими развитию и продвижению демократических ценностей, и дрожжами, вызывающими процесс брожения, необходимый для увеличения объема теста: *«Вот так собраться, чтобы обсудить свои проблемы, это очень по-американски. Может быть, вот такие собрания и есть то, что следует считать дрожжами демократии»* («Одноэтажная Америка», 2 серия. Бикон и Кливленд).

Для описания исторических событий, произошедших во Франции, была использована поговорка **аппетит приходит во время еды**, которая характеризует желание людей, азарт, появляющийся во время совершения какого-л. процесса: *«Тулузский университет основан в 1229 году для ... учебы? Не спешите с выводами. Для борьбы с еретиками, а ими были так называемые альбигойцы, ветвь секты катаров. [...] Когда альбигойцев уничтожили, взялись за ведьм и колдунов. Первую ведьму сожгли в 1275 году. Аппетит, как известно, приходит во время еды. В 1577 году здесь на одном костре одновременно сожгли 400 ведьм»* («Тур де Франс», 9 серия. Тулуза). Процесс поглощения пищи метафорически проецируется в сферу взаимоотношений между соседними государствами. Стремление захватить новые земли образно ассоциируется с голодом, острым желанием что-л.

съесть: «Что бы сделали вы в середине 13 века, если на ваш городок то и дело совершали набеги **ненасытные** соседи? Построили бы крепость. Так и поступили жители Кераса» («Тур де Франс», 5 серия. Прованс). Объект, представляющий военный или политический интерес, образно связан с вкусной пищей, вызывающей у субъекта аппетит: «Существуют разные теории относительно названия острова Манхэттен. Но то, что точно известно, так это то, что сам остров всегда был **лакомым кусочком** для Европы и за него шла напряженная борьба, иногда просто война» («Одноэтажная Америка», 1 серия. Нью-Йорк).

Пищевая метафора в характеристике впечатлений путешественников выполняет не только миромоделирующую, но прежде всего аксиологическую функции. Так, посетив город Лурд, центральной достопримечательностью которого является храм, построенный на месте многократного явления Девы Марии, В. Познер использует пищевую метафору для выражения собственного отношения к теме религии. Поездка начинается с глагола **насытиться** в прямом значении и заканчивается метафорой **наестся**, связанной с идеей пресыщения большим количеством увиденных достопримечательностей: «Мы уже вдоволь **насытились пищей** материальной, пора бы о душе подумать. Едем в город Лурд; Как я сказал в самом начале, мы ехали сюда в поисках **пищи** духовной. Лично я **наелся**. Так, как я хотел уехать из Лурда, я мало откуда рвался» («Тур де Франс», 10 серия. Лурд).

Позитивные впечатления путешественников выражаются посредством образной аналогии между интересным, привлекательным для туристов городом и вкусной пищей, доставляющей гастрономическое удовольствие: «Я скажу по-другому, Тель-Авив город **вкусный**, Тель-Авив город веселый, Тель-Авив город щедрый, открытый. Вот и все, Владимир Владимирович. И не надо требовать от Тель-Авива, чтобы тут Ватикан стоял» («Еврейское счастье», 2 серия. Тель-Авив, или с чем это едят).

Таким образом, анализ пищевой метафоры в речи ведущих и героев цикла передач о путешествиях показал, что образные средства языка с исходной гастрономической семантикой стилистически выразительны, помогают наглядно представить позицию по различным вопросам, эмоционально воздействуют на адресатов речи в сюжетах передач и на телезрителей. Ведущие и герои фильмов хорошо понимают и умело используют метафорический смысл языковых единиц, легко включаются в языковую игру, активизируя зрительский интерес.

5. **Выводы.** К числу жанровых воплощений *лингвокультурного дискурса* можно отнести лингвокультурологический словарь, принадлежащий с точки зрения функционально-стилевой природы научному дискурсу, а также телевизионный тревелог, представляющий сферу медиадискурса. «Словарь русской пищевой метафоры» раскрывает когнитивный потенциал данной метафорической модели, фиксирует словарный состав её языковой реализации; демонстрирует факты этнических и интернациональных компонентов пищевой традиции, сложившейся в современной России, а также аспекты метафорического, символического, аллегорического переосмысления гастрономических образов. Телевизионные фильмы в жанре тревелога демонстрируют речевую реализацию коммуникативно-прагматического потенциала пищевой метафоры для экспрессивной и образной характеристики различных социокультурных феноменов и их интерпретации воспринимающим субъектом.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1990:** Арутюнова, Н. Д. Дискурс. [Arutyunova, N. D. Diskurs.] // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990, 136 – 137.
- Баранов 1991:** Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры. [Baranov, A. N. Ocherk kognitivnoy teorii metaforu.] // Баранов, А. Н., Караулов, Ю. Н. *Русская политическая метафора (материалы к словарю)*. Москва, 1991, 184 – 193.
- Воробьев 1997:** Воробьев, В. В. *Лингвокультурология (теория и методы)*. [Vorob'ev, V. V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody).] Москва: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.
- Карасик 2002:** Карасик, В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. [Karasik, V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs.] Волгоград: Перемена, 2002.
- Красных 2016:** Красных, В. В. *Словарь и грамматика лингвокультурры. Основы психоллингвокультурологии*. [Krasnyh, V. V. Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psicholingvokul'turologii.] Москва, 2016.
- Лакофф, Джонсон 1980:** Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. [Lakoff, G., Jonson, M. Metaforu, kotorymi my zhivem.] // *Теория метафоры*. Москва, 1990, 387 – 415.

- Маслова 1997:** Маслова, В. А. *Введение в лингвокультурологию.* [Maslova, V. A. Vvedenie v linguokul'turologiyu.] Москва: Наследие, 1997.
- Резанова 2011:** Резанова, З. И. Описание дискурсивных картин мира на пересечении развития гумбольдтианских традиций анализа языка. [Rezanova, Z. I. Opisanie diskursivnyh kartin mira na peresechenii razvitiya gumbol'dtianskih traditsiy analiza yazyuka.] // *Картины русского мира: современный медиадискурс.* Томск, 2011.
- Телия 1996:** Телия, В. Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* [Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspektu.] Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Чудинов 2001:** Чудинов, А. П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры.* [Chudinov, A. P. Rossia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory.] Екатеринбург, 2001.
- Юрина 2013:** Юрина, Е. А. *Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов.* [Yurina, E. A. Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov.] Кокшетау, 2013.
- Юрина (ред.) 2015:** *Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1. Блюда и продукты питания.* [Yurina, E. A. (ed.). Slovar' russkoy pishchevoy metafory. T. 1. Blyuda i produkty pitaniya.] / Сост. Боровкова, А. В., Грекова, М. В., Живаго, Н. А., Юрина, Е. А. Томск: Издательство Томского университета, 2015.
- Юрина (ред.) 2017:** *Словарь русской пищевой метафоры. Т. 2. Гастрономическая деятельность.* [Yurina, E. A. (ed.). Slovar' russkoy pishchevoy metafory. T. 2. Gastronomicheskaya deyatel'nost'.] / Сост. Балдова, А. В., Грекова, М. В., Живаго, Н. А., Юрина, Е. А. Томск: Издательство Томского университета, 2017.
- Юрина, Балдова 2017:** Юрина, Е. А., Балдова, А. В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире. [Yurina, E. A., Baldova, A. V. Pishchevaya metafora v protsessah kontseptualizatsii, kategorizatsii i verbalizatsii predstavleniy o mire.] // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2017, № 48, 98 – 115.